

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАУЗА

У оркестра Жукова нет репутации «звончайшего-луччайшего», но есть репутация подвижника — пусть, на чей-то взгляд, ошибающегося в упорстве делать что-либо так, а не иначе, по-своему дерзновенно. Совершенно очевидно, что 10 лет назад пианист, активно концертирующий и в отечестве, и за рубежом (до сих пор не представляющий рояля), собирал не ансамбль солистов, а круг музыкантов — «медиумов»: никакого самоповтора, ни малейшей инерции «наигранной» ве-

НЕ ПРОПОВЕДЬ, А ИСПОВЕДЬ

щи, на сцене возможно только творить — самозабвенно, полностью отдавшись во власть дирижера, его внутреннего слышания, его воли и в конечном счете личности.

И человеческая, и творческая ипостаси И. Жукова непросты, противоречивы. Жесткий, как будто необаятельный. При этом — все отдаст и ничего взамен не попросит. Строг, неприступен, но — искренне общителен. При крайней рефлексивности — сознание абсолютной правоты собственного дела: а иначе, действительно, зачем же вставать за пульт?

Главный интерес к Московскому камерному — интерес к интерпретации. И на нее изначально, прежде всего ориентированы музыканты. Как никакой другой, этот оркестр исполняет Струнную серенаду Чайковского — на открытом чувстве, но без тени чувствительности (от которой здесь обычно не удерживаются). Более того,

Жуков видит Серенаду как фреску, и музыка является обновленной и величественной. Вариации на тему «Легенды» Чайковского, «Был у Христа-младенца сад» — истинный шедевр А. Аренского — звучат по законам драматургии уже позднего XX века «под током», идущим от Шостаковича. А сам Шостакович, например, его Камерная симфония предстает в такой непосредственной убедительности, будто мы присутствуем на премьере сейчас написанного сочинения, и жить ему или не жить — зависит только от Жукова.

Кстати, репертуар Московского камерного на редкость обширен, в нем — классика прошлых и нынешнего веков, но и запечатленная история современности. Ведь сколько лет этот оркестр был у нас одним из очень немногих, исполнявших новую музыку, непременно с участием фестивала «Московская осень»!

Отчего мы захвачены музыкальными исповедями И. Жукова? Оттого, конечно, что воспринимаем слово крупной творческой личности. Это музыкант-полиглот, интеллектуал и — главным образом — строитель, возводящий своеобразные, но конструктивно прочные здания, где все функционально. Музыкант-архитектор органически не терпит прелестной, но бесполезной «роскошности». И в конце концов, когда Корбюзье настаивал на принципе функциональности во имя всего, то дал новую архитектурную эстетику!

Так что же создал Игорь Михайлович Жуков 10 лет назад? Не только оркестр. В его искусстве чрезвычайно ценно открытое для всех умение мыслить. Художник призывает нас сопереживать всему, но и учит — всех, кто играет с ним, кто слышит его, — созидательно мыслить.

Ольга БУГРОВА.

Искрен и сыенд - 1994. - 31 марта - 4 апр. (11-12) - с. 15